
УДК 372.881.352.3
ББК 74.261.4
Б 14

Х.З. Багироков

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета; E-mail: bagirokov@adygnet.ru

БИЛИНГВАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ

(Рецензирована)

Аннотация. Би- и полилингвальная ситуация в адыгском языковом пространстве повлияла на формирование языковой картины мира адыгов в Российской Федерации, вызвала усиление коммуникативных взаимодействий и привела к общности базовых знаний о мире с адыгско-русским лингвокультурологическим ядром.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальная личность, родной язык, функционально активный язык, мышление, языковой знак, означающее, означаемое.

Kh.Z. Bagirokov

Doctor of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Adyghe State University; E-mail: bagirokov@adygnet.ru

BILINGUAL THINKING AND THE PROCESS OF TEACHING A NATIVE LANGUAGE

Abstract. Bilingual and polilingual situation in the Adyghe language space affected formation of the Adyghe language picture of the world in the Russian Federation, caused strengthening of communicative interactions and led to a community of basic knowledge about the world with Adyghe-Russian lingual- cultural core.

Keywords: bilingualism, the bilingual personality, the native language, functionally active language, thinking, the language sign, signifier, signified.

Современная лингвистика и лингводидактика, оперируя понятием «языковая личность» в различных ее ракурсах, приближаются к решению комплекса вопросов, входящих в понятие «билингвальная личность». Подходя к билингвальному обучению с культурологических позиций, ученые основываются на положении о том, что «всякая культура нового времени — это открытая система. Если она закрыта, этнос обречен» [1, с. 51]. Проблемы и перспективы би- и полилингвального обучения становятся все более актуальными в Республике Адыгея. Решением проблемы становится выработка новых подходов в деле формирования поликультурной личности и видится в переосмыслении сложившегося в языкознании подхода в осмыслении феномена

билингвизма.

На современном этапе развития адыгского языкового пространства неисследованным является ситуация функционирования адыгского языка в полилингвальных условиях (адыгско-русский, адыгско-турецкий, адыгско-арабский и др. билингвизм). Проблема этнической самоидентификации адыгского этноса выдвигает ряд нерешенных теоретических задач, среди которых проблема родного языка и овладение вторым для носителя билингвизма. За отправную цифру в количестве языков в речи билингва мы принимаем два языка, называя их родным и функционально активным языком (ФАЯ). Таким образом, мы подходим к проблеме соотношения языка и мышления, сознания и языка, поскольку эти две

философские категории, связанные с психической деятельностью человека, неотделимы друг от друга. Мышление как психический процесс не обладает множественной структурой; оно неразделимо на части, виды или подвиды. Мышление неделимо вообще. Как в таком случае соотносится понятие единства мышления с идеей множественности, вариантности форм языкового выражения (множественности языков) при билингвизме? При всей сложности вопроса о билингвальном мышлении, требующего специального исследования со стороны лингвистов, методистов, социологов, социолингвистов, культурологов и философов, мы попытаемся дать ответ с позиций теории языкового знака (кода) как коммуникативной единицы двойственной природы, объединяющей в себе материальную и духовную (идеальную) компоненты.

Языковой код при выделенных нами типах билингвизма — семейном, социальном (массовом), профессиональном (групповом) и художественном [2] — будет отличаться рядом характеристик, всякий раз реализуемых в конкретной коммуникативной ситуации. Рассмотрим представленные характеристики последовательно.

Исходным положением в данном случае может служить замечание Л.В. Щербы о том, что лица-билингвы знают не два языка, но лишь один, «в котором каждому значению соответствуют два способа выражения, употребляющиеся один вместо другого» [3, с. 40-53]. С этим наблюдением соотносится следующая мысль У. Вайнрайха: «В том случае, когда между семантемами контактирующих языков устанавливается межъязыковая идентификация, двуязычный получает возможность интерпретировать те два знака, семантемы (означаемые), которые он отождествляет как один составной знак, имеющий одно обозначаемое и два обозначающих — в каждом языке свое» [4, с. 46]. Отсюда следует, что билингв пользуется особым типом языкового кода, который обладает одним означаемым, но двумя формами выражения, то есть означающими, и из этих двух означаю-

щих всегда избирается только одно в зависимости от социолингвистической ситуации. Дело в том, что оба означающих, в отличие, скажем, от двух внутриязыковых синонимичных форм, также выражающих близкие значения, теперь принадлежат двум разным национальным языкам, то есть разным, несоотносимым друг с другом семиологическим системам (адыгейскому и русскому и др.). Из этих двух систем одна будет пользоваться привилегированным положением в сознании изучающего и говорящего. В связи с этим не следует искать некоего идеального, «снятого», оторванного от языка означаемого, которое бы в равной степени соотносилось с обоими означающими и исчерпывалось ими. Такое означаемое, выполняющее в знаке роль денотата, также только одно, и обнаруживается оно в смысловой сфере родного для билингва языка. Знаковая конфигурация «два означающих-одно означаемое» актуализируется не всегда. При устойчивом пользовании только родным языковым кодом без привлечения изучаемого языка для билингва ничем не отличается от языковой ситуации, каким он выступает для монолингва («одно означающее — одно означаемое»); и лишь в ситуации с привлечением изучаемого языка знак мгновенно усложняет свою структуру. Именно в этой социолингвистической ситуации и состоит разница между индивидом монолингвом и билингвом.

Рассматривая билингвизм с этих позиций, мы обнаружим, что языковой код будет также различным «внутри», в рамках билингвизма, и различия эти обнаруживаются не только на уровне означающих (здесь они очевидны), но и означаемых, причем не столько как их естественное равенство/неравенство, сколько в отношении к ним говорящего субъекта. Так, для социального билингва важно, прежде всего, быть адекватно понятым: переключаясь с одного языкового кода на другой, он стремится к точной и естественной, «комфортной» для себя и окружающих форме общения. Социальный билингв может также иметь определенные предпочте-

ния, лежащие в плоскости того или иного национального языка (адыгейского, русского, турецкого, арабского и т.д.), которые, по его мнению, позволяют ему более точно выразить мысли, чувства, отношения, но ориентируется на говорящее в данный момент окружение, социум: *Русик, вечерым звонить кэпш1ыцта?* — «Русик, ты позвонишь вечером?»; *Сшыпхзу третье классым ис*, — «Моя сестра учится в третьем классе»; *Пять минут кэнагъ до звонка*. — «Пять минут осталось до звонка». Такое явление наблюдается у детей-билингвов тогда, когда а) ищет подходящее слово, но ему не удается быстро его отыскать; б) думает, что его не понимают.

Постоянной «заботой» билингвальной личности является поиск — в процессе речи — таких форм выражения (то есть таких означающих), которые бы максимально соотносились по своему содержанию с формами выражения, принятыми на другом языковом коде (разумеется, этим другим будет базовый язык индивида, то есть его родной язык). Таким образом, переводчик и преподаватель заняты решением задачи соотнесения означаемых, поиском предельных соответствий, часто воспринимаемых как совпадения между ними, и подбором, подстановкой соотносимых с ними означающих. В процессе речепорождения, который доводится до автоматизма, естественными становятся интерферентные нарушения, которые выдают «речь иностранца» и традиционно объясняются действием межъязыковой интерференции на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и др. уровнях. На первое место теперь выдвигается ценность означающего в языковом коде, которое принципиально противопоставляется означающему родного языка

и не соотносится с ним, не «временно подменяет», но полностью исключает и замещает его собою.

С развитием адыгского языкового пространства возрастает интерес к языку, культуре, обычаям и традициям. Стоит проблема расширения и укрепления связей с адыгами, живущими в других регионах страны, а также зарубежными адыгами (адыги в настоящее время проживают почти в 50-ти странах мира — В Турции, Сирии, Иордании, Германии, США, Израиле и т.д.). Их численность достигает около пяти миллионов. С этим связано полилингвальное существование адыгского языка, поэтому выдвигаются разные предложения по созданию единого для всех адыгов алфавита. Если адыгская диаспора в Европе, США, Австралии и Турции пользуется латиницей, то адыгам, живущим в арабских странах, предпочтительнее было бы письмо на арабской графической основе. Однако адыгская диаспора, находящаяся за рубежом, не обучается и не пишет на адыгских языках. Целостная картина мира адыгского языкового пространства не является сугубо этнической, она представлена языковыми зонами: адыгско-русской, адыгско-турецкой, адыгско-арабской и т.д. Языковая картина адыгов получает полилингвальное пространство, в котором выделяем адыгско-русское билингвальное ядро, представленное на исторической родине. Наиболее социально значимой сферой для языкового развития является сфера образования, поэтому именно здесь мы должны формировать языковую компетенцию билингвальной личности, которая создаст предпосылки для функционирования адыгского языка в различных сферах общения в изменившихся полилингвальных условиях.

Примечания:

1. Есаджанян Б.М. К проблеме определения «билингвизм» и «билингвальное обучение» // Мир русского слова. 2003. №4. С. 51.
2. Багироков Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). URL: <http://agulibadygnet.ru>.
3. Щерба Л.В. О понятии «смешение языков» // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. Т. 1. С. 40-53.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и перспективы исследования. Киев: Вища шк., 1979. С. 46.

References:

1. Esadzhanyan B.M. On the problem of definition of «bilingualism» and «bilingual education» // The world of a Russian word. 2003. No. 4. P. 51.
2. Bagirokov Kh.Z. The bilingualism: theoretical and applied aspects (on the material of the Adyghe and Russian languages). URL: <http://agulibadygnet.ru>.
3. Shcherba L.V. On the concept «confusion of languages» // Shcherba L.V. The selected works on linguistics and phonetics. L.: Leningrad University Publishing house, 1958. V. 1. P. 40-53.
4. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. Kiev: Vishcha shk., 1979. P. 46.